

© 1996 г. Н. В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКАЯ

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЭПОСА «МАНАС»
В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЕРИИ «ЭПОС НАРОДОВ ЕВРАЗИИ»**

Статья Н. В. Кидайш-Покровской «Проблемы перевода эпоса „Манас“ в академической серии „Эпос народов Евразии“» всесторонне освещает принципы научного перевода на русский язык тюркоязычных эпических памятников. Их основы были заложены крупными русскими востоковедами-тюркологами, начиная с XIX в. Принятый для Серии адекватный перевод, выполняемый непосредственно с оригинала строка в строку, осуществлялся и в работе над переводом варианта эпоса «Манас» крупнейшего киргизского сказителя Сагымбая Орозбакова. Конечный результат перевода, обеспечивающего максимальную достижимость смысловой и стилистической эквивалентности в передаче поэтики устного эпического сказа, демонстрируется на примерах из текста оригинала параллельно с его переводом.

The paper «Problems in translation of the «Manas» epos written by N. V. Kidaysh-Pokrovskaya and published in the academic series of «Epos of Eurasia Peoples», deals comprehensively with scientific principles in translation of the Turk-language epic monuments into Russian. Their foundations were laid down by prominent Russian scholars who specialized in oriental studies and Turk languages, starting from the 19th century. The publishers of the Series adopted an adequate translation which had been done right from the original line by line. The same approach was adhered to in translating the version of the «Manas» epos by the most prominent Kyrgyz story-teller S. Orozbekov. The final result of the translation ensures possibility to achieve maximum equivalence in sense and style when conveying oral epic story telling is exemplified by the original text pieces in parallel with their translations.

Четырехтомное издание героического эпоса «Манас» в академической серии «Эпос народов Евразии» (ранее серия «Эпос народов СССР»), подготовка которого осуществлялась в течение многих лет силами ученых-фольклористов Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук и Института языка и литературы Национальной академии наук республики Кыргызстан, завершилась в 1995 г. Оно охватывает основные сюжеты эпической биографии богатыря Манаса по варианту Сагымбая Орозбакова (предыстория рождения, рождение и наречение именем, детство, первые юношеские подвиги, сватовство и женитьба Манаса, его многочисленные богатырские битвы с целью защиты и объединения разрозненных киргизских родов и племен, ближние и дальние походы с верными дружинниками и многочисленным войском совместно с богатырями союзных родов, большой поход на Бейджин, ранение и гибель). Две другие части киргизской эпической трилогии, построенной по принципу генеалогической циклизации — «Семетей» (сказание о сыне Манаса Семетее) и «Сейтек» (сказание о внуке Сейтеке), — в издание, о котором идет речь, не вошли.

С 1984 по 1990 г. в Москве в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» опубликованы три книги «Манаса» [1]. К 1000-летию юбилея «Манаса» в издательстве ИМЛИ РАН «Наследие» выпущена в свет завершающая четвертая книга. Она включает один из наиболее крупных популярных самостоятельных эпизодов «Большой поход» Манаса, завершившийся его трагической гибелью [2]. Каждый том содержит подлинный текст

по варианту сказителя Сагымбая Орозбакова (эпизоды, определяющие общую сюжетную канву первой части трилогии эпоса — сказа о Манасе) без редакторских и иных вмешательств, перевод на русский язык и обширный комментарий.

Подготовка к изданию в Серии потребовала большой текстологической и аналитической работы, которая осуществлялась при участии академиков Б. М. Юнусалиева, К. К. Юдахина, фольклористами сектора «Манас» ИЯЛ АН Кыргызстана, многие годы возглавлявшегося С. М. Мусаевым (подготовка киргизского текста), а от ИМЛИ — ведущими научными сотрудниками А. С. Мирбадалевой и Н. В. Кидайш-Покровской (перевод и научные комментарии).

В комплексе проблем, которые приходится решать при научном двуязычном издании «Манаса», особое место занимает перевод, преследующий основную задачу академического издания: тщательно передать смысловое и художественное содержание оригинала, образно-художественную фактуру эпического текста. Такой перевод отвечает понятию «адекватный», поскольку призван не только сочетать полноту передачи смысла каждой поэтической строки, но и сохранить стилистическое соответствие подлиннику без добавления или изъятия слов, смысловых привнесений и других переводческих вольностей, как это нередко наблюдается в переводах, в том числе и эпоса. Иными словами, имеется в виду перевод, верный оригиналу, который при всех неизбежных потерях (ибо мера воспроизведения стилистических компонентов подлинника всегда относительна) воссоздает с предельной достижимостью художественную структуру и эстетическую целостность древнего устного эпического памятника.

Перевод «Манаса», выполнявшийся непосредственно с оригинала, не относится к типу лингвистического перевода, имеющего свои задачи и критерии верности и не ориентированного специально на раскрытие фольклорной поэтики и стиля. Вместе с тем по своим нормам он отличается от литературно-поэтического перевода, обычно называемого художественным, а по существу неточного т. к. подыскание рифм и размера, не достигающих соответствия с оригиналом, неизбежно влечет добавление слов и словосочетаний, далеких от специфической образности древнего памятника.

В академической серии двуязычных публикаций эпоса закономерен перевод предельно точный, но не буквальный, когда в стремлении к точности в переводе слов создаются мертвые фразеологические кальки, нередко нарушающие законы русского языка. При работе с тюркоязычными памятниками, в данном случае с «Манасом», это сопрягается со своими специфическими трудностями (не только практическими, но и теоретическими). Ведь для достижения необходимого уровня смысловой точности каждой строки наряду с передачей лексики требуется переводить национальную фразеологию так, чтобы передать по-русски ее своеобразие и при этом обеспечить читателю восприятие образного, во многом метафоричного, языка всего эпического контекста. Как всегда в подобных случаях, адекватность передачи значительно осложнена большим структурным и стилистическим различием языка оригинала и русского языка, различием стиховых систем, трудностями раскрытия эпических образов, отразивших народное мироощущение отдаленных эпох.

Поскольку теоретические основы адекватного перевода тюркоязычного эпоса еще мало разрабатывались, невелика и практика научных изданий подобных памятников. В работе над переводом «Манаса» приходилось опираться на общую теорию перевода применительно к произведениям восточной классики, в том числе и эпоса, учитывая опыт переводческой работы таких крупных востоковедов-тюркологов, как В. В. Бартольд [3], С. Е. Малов [4], А. Н. Кононов [5], А. М. Щербак [6]. Это в немалой степени способствовало решению основной задачи — при переводе устного тюркоязычного эпоса, каков «Манас», предусмотреть не только лексико-семантическую точность в передаче специфики архаичного образного языка, но и отраженную в нем эстетику древних кочевых племен. Иными словами — выполнить перевод в том же стилистическом ключе,

что и подлинник. А это, разумеется, невозможно без учета языковых и внеязыковых аспектов, в том числе эмоционально-художественного воздействия текста на читателя. Поэтому в отличие от лингвистического научно-адекватный перевод, о котором идет речь, должен ориентироваться на три обязательные функции всякого художественного произведения: смысловую, эстетическую и эмоциональную. Без этого читатель не сможет воспринять и прочувствовать недоступное ему из-за незнания языка художественное произведение большого эмоционального звучания, каким является эпос.

Принцип адекватного перевода предусматривает сочетание творческого воображения с точным расчетом исследователя: ибо перевод всегда — и толкование подлинника, он не должен вызывать неясных или ложных представлений. При передаче художественного слова, обычно многозначного и метафоричного в традиционном эпосе, особое значение придавалось выбору такого русского слова в ряду синонимов, которое способно верно и емко передать семантику слова оригинала, определенную общим контекстом взаимосвязанных строк.

Однако верное толкование подлинника не ограничивается только подысканием языковых средств, способных адекватно выразить содержание оригинала. Оно предусматривает выход за пределы лингвистики¹. Наряду со знанием языка от переводчика требуется реализация знаний культуры, истории, быта и нравов народа, в среде которого создано произведение [7, кн. 4, с. 174—178; кн. 5, с. 219—225]. Это открывает единственно верный путь к полноценной смысловой передаче подлинника. Здесь переводчик и исследователь слиты воедино, что особенно результативно, когда, по словам Гёте, «необходимо добираться до того, что непереваемо, и уважать это, ибо тут-то и скрыта ценность и своеобразие любого языка» [8, с. 441]. Точно также и при переводе «Манаса» приходится попутно осуществлять глубокую и тщательную текстологическую работу (с обращением к разного рода лингвистическим, историко-этнографическим и фольклорным источникам). Это в значительной мере способствует по возможности близкой передаче средствами русского языка специфики традиционных в эпосе образных приемов, устойчивых фразеологических оборотов типа постоянных «формул», идиоматических выражений, повторов, «общих мест», рефренов, образного параллелизма, метафор, сравнений, постоянных эпитетов, реалий и многого другого. А в тех случаях, когда традиционная образность либо может оказаться непонятной для русского читателя, либо к ней в русском языке невозможно отыскать параллелей, такие образные средства приходится «калькировать» и всякий раз пояснять в примечании к переводу, как и оставленные без перевода реалии, топонимы, этнонимы и иные термины.

Опыт двуязычного издания четырех книг «Манаса» практически реализует следующие обязательные условия адекватности перевода:

1. Процесс непрерывной работы с оригиналом (минуя подстрочник), в результате которой полнее раскрывается «фольклористический» смысл текста, полнее выявляются особенности стилевой структуры, ее функции.

2. Перевод осуществляется строка в строку без изъятия или добавления слов. Лишь в некоторых случаях вводятся в квадратные скобки отсутствующие в оригинале слова с целью уточнения смысла строки или правильной ее передачи сообразно грамматическим законам русского языка.

3. Комплексный подход к переводу: сочетание ясности, понятности с верностью стилю оригинала, его тональности. Последнее достижимо не путем подыскания якобы соответствующих в русском стихосложении размера и рифм, а передачу интонационного звучания, приближенного к ритмике импровизационного напевно-декламационного стиха подлинника, что обеспечивает некий «интонационный стержень», организующий взаимоотношение слов.

¹ Принцип адекватного перевода восточной классики, затрагивающий совокупность проблем — лингвистических, литературоведческих, культурно-исторических, психологических — был сформулирован академиком Н. И. Конрадом [7].

Все это призвано служить достижению такого стилистического соответствия перевода оригиналу, без которого перевод не может быть признан близким теми, кто знает язык национального текста, и одновременно стать эмоционально значимым и не усложненным для русского читателя.

Ограничимся несколькими примерами конечного результата перевода, с достаточной полнотой демонстрирующими максимальную меру достижимости смысловой и стилистической эквивалентности при передаче своеобразия поэтики устного эпического сказа. (Здесь, как и далее, отрывки приводятся параллельно с оригиналом — с сохранением нумерации строк.)

Из обращения отца Манаса к своему младшему брату после долгой разлуки с ним (с обилием традиционных в киргизском и казахском эпосах метафор):

- 6271 Ты — единственная утеха, которую я знал,
Ты — моя опора, если я [взбираюсь] вверх,
Ты — мой младенец, которого убаюкивал я,
Ты — поддержка мне, если я поскользнусь...
Ты — тот, кто лежал в том же тесном чреве, [что и я]...
- 6296 Ты — мой скакун, на которого сажусь, если притомлюсь,
Ты — копыто (туяк), которым ступаю по камням,
Ты — латы, которые надеваю, [идя] в бой»... [1, кн. 1, с. 350, 351]
- 6271 Көргөндө жалгыз эрмегим!
Өдө болсом өбөгүм.
Алдейлеген бебөгүм,
Тайгылганда жөлөгүм
Тар курсатка жатканым...
- 6296 Чарчасам минер бурагым,
Ташка басса — туягым,
Жоого кийсем — кыягым... [1, кн. 1, с. 146]

Из монолога сподвижника Манаса — богатыря Чубака:

«И имя-то его Манас,

- 12760 И по своей сути он Манас!
И сам-то он Манас,

И по словам своим он Манас!
Если же Манас — мой тигр,
Если же Алмамбет — сотоварищ мой,
Если крикну: «Войско пришло!»,
Если испугаюсь кытаев, пусть покарает меня Бог!»...

- 12770 У богатыря Манаса-льва
Вздыбилась грива не хребте...
Недовольно бурча, глухо рыча,
Всем оружием, какое есть, опоясался он,
Подготовил боевое снаряжение свое,
Гневом исказилось его лицо,
[Кажется], хвост загнут кольцом, полосатая шкура [у него]...

12780 Облачился в свое аккюбё...

Разъярился, словно лев,

На ногах его [сапоги] накері с загнутым носком,

Величаво восседает на Айбанбозе своем...

За спиной сверкает [ружье] Аккельте...

Плавно покачивается в руках его копье.

Белое древко, серый бунчук. [2, кн. 4, с. 672, 673]

12760 «Аты да Манас турбайбы,

Заты да Манас турбайбы!

Оөзү да Манас турбайбы,

Сезү да Манас турбайбы!

Манас болсо жолборсум,

Алмамбет болсо жолдошум,

«Кол келди! — деп, кытайдан

Корксом кудай урбайбы!»...

12770 Арстан Манас баатырдын

Далысынан жал чыгып...

Күңгүрөнүп унчугуп,

Бар жарагын байланып,

Жоо-жарагын шайланып,

Чагарак куйрук, чаар тон...

Шаңы чыгып сур жолборс,

12780 Аккүбөнү жамынып...

Арстандай чамынып;

Накери бутта чойкоюп,

Айбанбоз минип болкоюп...

Аккелте жондо жаркылдап,

Найзасы колдо калкылдап,

Ак асаба, сур желек. [2, кн. 4, с. 321, 322].

Приведенные примеры демонстрируют довольно высокую достижимость (при условии сохранения смысловой точности каждой строки) близкой передачи всего комплекса традиционных в эпосе образных средств, непривычных, но доступных для русского читателя. При этом невозможность передачи специфики эпического тирадного стиха, в котором рифма в основном создается созвучием флексивных глагольных, причастных и деепричастных окончаний (в переводе при необходимости они заменяются глаголами, что нормативно для русского языка), падежными, числовыми, личными аффиксами, а также наличием аллитерации, основанной на созвучии нескольких слов в строке, компенсируется особой организацией слов, создающих, насколько это возможно, определенный аналог интонационного звучания оригинала. Все это, как нам представляется, обеспечивает впечатление достоверности передачи подлинника без утраты его выразительности.

Передача особенностей поэтики оригинала во многом зависит от максимально точного, порой дословного перевода народной символики, определяющей содержание сравнений, метафор, эпитетов, а также устойчивых стилистических фигур и словосочетаний. Их близкий перевод настолько «проявляет» художественный контекст оригинала, что дает возможность воспринять в переводе малейшую вариантность устойчивых словесно-образительных средств, часто восходящих к общетюркской эпической традиции.

К примеру, такова в переводе «Манаса» дословная передача постоянных простых и сложных эпитетов, метафор, сравнений применительно к богатырям: «сивогриный» — «көк жал» (восходит к образу волка — тотема, почитаемого у древних тюрков); постоянного эпитета Манаса «канкор» — «кровожадный» (поли-

семантичного по своему характеру — часто в значении: «отважный», «храбрый»); эпитета «хваткий», заключающего в себе ассоциативное сближение с ловчей хищной птицей; традиционных метафор для эпических богатырей: «тигр» — «жолборс», «лев» — «арстан», «волк» — «берү», «волк для врага», т. е. свирепый, сильный, непобедимый; «верблюженек» — «бута», «туяк» — «копытце» применительно к малолетнему сыну.

Тот же принцип применим и к переводу образных иносказаний и постоянных лексических конструкций типа формул, изобилующих в киргизском подлиннике, которые восходят к общетюркской эпической традиции. Например, «птица счастья опустилась на голову твою» — выражение удачливой судьбы героя; «стояли так долго, что мясо свариться могло» или «быстрее, чем сварится еда» — своеобразная передача длительности действия; «куда ни повернут, там [вспыхивает] красный пожар» — о богатырской удали; «конь силен потом своим» — о хорошо обездоженном коне; «когда глотают, сквозь горло их просвечивает еда и черный кишмиш» — о нежности, изнеженности и изяществе красавиц; «заплети гриву своего скакуна» — о богатырской готовности к походу и сражению; «с дорогим путлицем, с рукавицей, оставшимися в моих руках» — о горе человека, лишившегося своего счастья или удачи, подобно охотнику, упустившему свою ловчую птицу.

Принципы адекватного перевода, основанные на комплексном подходе к фольклорному подлиннику и их практическая реализация достаточно результативны для передачи средствами иной языковой системы такого сложного явления в эпическом наследии тюркоязычных народов Центральной, Средней Азии и Казахстана, каковым предстает киргизский героический эпос «Манас» в классическом варианте сказителя-манасчи Сагымбая Орозбакова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манас. Киргизский героический эпос. Книга 1. М., 1984; Книга 2. М., 1988; Книга 3. М., 1990.
2. Манас. Киргизский героический эпос. Книга 4. М., 1995.
3. «Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос. Пер. акад. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962.
4. Малов С. Е. Памятники Древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
5. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.
6. Щербак А. М. Огуз-наме, Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
7. «Восток». Книга 4. М.; Л., 1924; Книга 5. М.; Л., 1925.
8. Мастерство перевода. Сб. 9. М., 1973.